

Чэнь Минхуэй поспешно сказал:

— Тогда в следующий раз я отвезу тебя в город. В городке, честно говоря, особо нечего делать, есть только большой парк, где можно сделать пару фотографий. Не то что в городе, где есть зоопарк с множеством животных, и если повезет, можно увидеть, как павлин распускает хвост. Павлин, распускающий хвост, очень красив.

Цянь Юй никогда не видел павлина и не знал, как он выглядит, но раз Чэнь Минхуэй сказал, что это красиво, он изо всех сил пытался представить это и решил, что это должно быть действительно прекрасно.

До отправления автобуса оставалось полчаса, и они, закрепив мясо и зерно, положили их в багажное отделение, после чего сели в автобус и стали ждать. В то время автобусов было мало, и хотя билет стоил пятнадцать фэней, что было недешево, пассажиров было много. Если опоздать, приходилось стоять, и это была настоящая давка, как в переполненных автобусах в будущем.

Через полчаса, когда в автобусе уже не было места свободного, водитель наконец тронулся. Учитывая опыт поездки туда, Чэнь Минхуэй, опасаясь, что Цянь Юя будут толкать, сел на внешнее сиденье у прохода, одной рукой прикрывая его, чтобы надежно защитить. Это было небольшое, почти незаметное движение, даже без слов или взглядов, но Цянь Юй почувствовал всю ту заботу и ценность, с которой к нему относились. Это было чувство, от которого можно было стать зависимым, но оно было слаще, чем опиум.

После часа тряски они наконец добрались до поселка. От автобусной станции до дома Чэнь Минхуэя было всего пять минут пешком. Его дом находился в очень удобном месте: напротив школы, а через несколько лет, когда в деревне появился свободный рынок, он оказался всего в пяти минутах ходьбы от него. Именно благодаря такому удачному расположению дом Чэнь Минхуэя быстро нашел покупателя.

Март на севере был еще холодным, и Чэнь Минхуэй, который часто отсутствовал дома, редко топил печь. Когда они вошли внутрь, их встретил холод и пустота.

Чэнь Минхуэй поспешно положил свои вещи и направился на кухню:

— Я растоплю печь, а ты садись на кан и подложи под себя толстое одеяло из шкафа, чтобы не замерзнуть.

— Я пойду с тобой.

— Зачем тебе в такую холодную кухню? Иди в комнату, укутайся потеплее и не простудись.

Цянь Юй не сдавался:

— Как это можно? Если мне холодно, то тебе разве не холодно?

В прошлой жизни он был рабом Хао Ин, которая относилась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся, а если что-то было не так, она могла унижить его. В итоге он закончил свою жизнь в огне. Совсем не так, как Цянь Юй, который был послушным, заботливым и понимал его. Он был важен для него, и он тоже держал его в своем сердце.

Оказалось, что быть по-настоящему важным для кого-то — это именно такое чувство. Даже в ледяной снежной пустыне сердце остается теплым. Даже если есть боль, она переносится с

радостью.

Чэнь Минхуэй все же не мог позволить ему мерзнуть. В доме было не лучше, чем на улице, и он толкнул Цянь Юя в спальню, достал толстое одеяло, постелил на кан и укутал его в другое.

— Мы же договорились, что сегодня ты будешь слушаться меня. Сиди спокойно, пока я не растоплю кан, — твердо сказал Чэнь Минхуэй. — Сяо Юй, слушайся меня.

Цянь Юй понял, что Чэнь Минхуэй действительно не хочет, чтобы он работал, и если он будет настаивать, то только разозлит его. В итоге он послушно сел на кан, наблюдая, как Чэнь Минхуэй хлопочет для него, и в его сердце возникло странное, но приятное чувство удовлетворения.

Чэнь Минхуэй разжег кан и пошел к соседке, чтобы купить десять яиц. В то время каждая семья могла держать кур и уток, но не более трех. Яйца, которые они несли, крестьяне обычно не ели сами, а копили, чтобы продать в снабженческо-сбытовом кооперативе по цене 6-7 фэней за штуку, в зависимости от размера. Чэнь Минхуэй заплатил по 7 фэней за каждое яйцо, выбрав десять самых крупных, и соседка с радостью согласилась. Ведь продать их Чэнь Минхуэю было проще, чем тащить в кооператив и улыбаться приемщику.

Чэнь Минхуэй заплатил без лишних слов, и соседка была довольна. На прощание она проводила его до двери, улыбаясь:

— Если будут нужны яйца, приходи ко мне, я выберу для тебя самые крупные.

Чэнь Минхуэй тоже улыбнулся в ответ:

— Спасибо, тетя. Я зайду через несколько дней, оставьте для меня большие.

Соседка сразу же согласилась.

Когда Чэнь Минхуэй вернулся, Цянь Юй увидел яйца в его кармане и хотел сказать, что дома есть мясо, зачем еще яйца, но промолчал.

В этой жизни Чэнь Минхуэй пока не умел готовить. После смерти деда он остался один и стал скитаться с братом Луном из городка, иногда зарабатывая несколько цзяо, иногда получая немного еды. Если ничего не удавалось, он голодал, часто питаясь раз в два-три дня. Но Чэнь Минхуэй не считал это чем-то особенным, привыкнув к такому образу жизни. И даже когда ему удавалось достать деньги или мясо, он не забывал отнести их Хао Ин.

Зато в прошлой жизни Чэнь Минхуэй был отличным поваром. Тогда он только закончил университет и жил с Хао Ин, их отношения были сладкими, как мед, и чтобы порадовать ее, он специально научился готовить.

Хотя он и переродился, его навыки остались, и сейчас его блюда получались очень вкусными.

Одно из них — острое мясо с перцем, другое — яичницу-болтунью с лепешкой. Хотя это были обычные домашние блюда, у Чэнь Минхуэя был талант к кулинарии, и он мог составить конкуренцию поварам из государственной столовой в городке.

Яйца были поджарены в тонкий блин, внутри которого были завернуты перец и зеленый лук. Снаружи блин был золотистым и блестящим, а на вкус — насыщенным, но не приторным.

— Тебе нравится? — спросил Чэнь Минхуэй, видя, как Цянь Юй с удовольствием ест. Ему самому было приятно, хотя это была его обычная еда, но сегодня она казалась особенно вкусной.

— Вкусно, даже лучше, чем у моего папы, — сказал Цянь Юй, с удовольствием набивая рот.

— Если нравится, буду готовить для тебя каждый день, — сказал Чэнь Минхуэй, снова положив большую порцию мяса в тарелку Цянь Юя. — Не ешь только яйца, ешь больше мяса, оно питательное. Посмотри, как ты похудел.

Цянь Юй посмотрел на Чэнь Минхуэя, который сам был худым, как скелет. Если честно, его жизнь всегда была легче, чем у Чэнь Минхуэя. Даже после смерти отца мать хотя бы не оставляла его без еды. Но у Чэнь Минхуэя не было такого старшего, который бы защищал его. Видя, как Чэнь Минхуэй ест, стараясь не брать мясо себе, а подкладывать ему, Цянь Юй почувствовал, как глаза наполнились слезами, но он сдержал их.

Цянь Юй подумал, что теперь они остались вдвоем, и он обязательно будет хорошо относиться к Чэнь Минхуэю, очень хорошо.

Он больше не позволит Чэнь Минхуэю готовить для него каждый день. Он сам будет готовить для него, чтобы тот тоже почувствовал, что такое домашний уют.

— Ты тоже ешь, — сказал Цянь Юй, положив большую порцию мяса в тарелку Чэнь Минхуэя. Этой порцией он почти опустошил половину блюда.

Чэнь Минхуэй посмотрел на еду, но ничего не сказал и не стал возвращать ее. Однако после этого он больше не брал себе еды, съев три большие порции риса с тем, что ему положил Цянь Юй. Цянь Юй съел поменьше, но тоже две порции. Если бы он ел сам, то, конечно, не съел бы столько, но Чэнь Минхуэй продолжал подкладывать ему, и в итоге все оказалось в его желудке.

Цянь Юй наелся до отвала, его живот стал круглым, словно он был на третьем месяце беременности. Видя, как Чэнь Минхуэй греет воду и моет посуду, он хотел помочь, но Чэнь Минхуэй не позволил. Тогда Цянь Юй просто прислонился к стене и наблюдал за ним, они разговаривали о том о сем, и в воздухе разливалась тихая теплота.

После еды Цянь Юй вытер руки и сказал:

— Насчет смены прописки, это помог устроить отец Ци Мина. Сейчас еще рано, я схожу к Ци Мину домой, ты жди меня здесь. Если заскучаешь, почитай книгу, я вернусь максимум через полчаса.

В то время еда была в дефиците, и Чэнь Минхуэй решил купить у соседки еще двадцать яиц.

Ци Мин открыл дверь и удивился, увидев Чэнь Минхуэя, но услышав вопрос отца, впустил его.

— Дядя Ци, здравствуйте, я пришел, чтобы поблагодарить вас, — сказал Чэнь Минхуэй, передавая корзину с яйцами Ци Мину. — Это немного яиц, но это моя благодарность.

Отец Ци, который собирался уйти, чтобы оставить сына и его друга наедине, удивился и подошел.

— А, это Чэнь Минхуэй, заходи, садись, — тепло пригласил его отец Ци.

Отец Ци был полицейским, начальником участка. Мать Ци Мина была медсестрой, сегодня она была на ночной смене и не была дома.

Благодаря тому, что в семье было два государственных служащих, а может, и по другим причинам, семья Ци жила хорошо, в гостиной стоял кожаный диван.

<http://bllate.org/book/16744/1561582>